

БЕЗ ПОДПИСИ НА ПОЛЯХ

АСЯ ХЕЙЛ

Ася Хейл

Без подписи на полях

«Автор»
2026

Хейл А.

Без подписи на полях / А. Хейл — «Автор», 2026

Девятьсот рублей за сочинение. Для семнадцатилетней Ульяны это ещё немного времени на подготовительных курсах. Для Дениса — возможность наконец принести домой хорошую оценку.Одна работа, одна сделка. Но чужой текст открывает Денису дверь, на которую Ульяна сама не решалась смотреть. А между ними уже есть библиотечные встречи, неловкие прикосновения и слова, за которые никто никому не платил.Теперь мало признаться, кто написал сочинение. Нужно понять, можно ли доверять человеку, который воспользовался твоим голосом. И найти собственный, даже если с первой попытки он звучит совсем не так, как хотелось.

© Хейл А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ульяна 5
Глава 2. Денис 8
Глава 3. Ульяна 11
Глава 4. Денис 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Без подписи на полях

Глава 1. Ульяна

Денис Туманов попросил написать за него сочинение, пока я вытаскивала шарф из рукава куртки. Один конец зацепился за молнию, второй лежал на мокром полу. В раздевалке кто-то толкался у соседней секции, и разговаривать о девятистах рублях приходилось почти в ухо.

— Только без сложных слов, — сказал он. — Чтобы было похоже.

— На что?

Он посмотрел на мой шарф, потом на меня.

— На школьную работу.

Я наконец освободила ткань. На светлой шерсти проступило серое пятно.

— Это и будет школьная работа. Какой объём?

Туманов учился со мной пятый год. Я знала, что он всегда стоял справа на общих фотографиях, потому что был высокий, носил запасную чёрную ручку и по литературе отвечал, только когда спрашивали по списку. Девочки иногда обсуждали его, но в моём расписании не было места для человека, которого приходилось разгадывать. Если он забывал сменку, ему давали бахилы. Если забывала я, дежурная просила позвонить маме. Этой разницы мне хватало.

— Четыреста слов. Можно чуть больше. К понедельнику.

— Тему пришли. Девятьсот.

— Артём сказал, семьсот.

— У Артёма было триста слов и четыре дня.

Денис расстегнул карман рюкзака. Мне показалось, сейчас достанет наличные, и я уже подумала, куда их убрать, чтобы не смялись. Но он вынул телефон.

— Переводом можно?

— Половину сейчас. Остальное после.

Я не называла это заработком на чужих оценках. Я называла это текстами. Кто-то монтировал школьникам видео, кто-то красил ногти, кто-то приносил из дома решённую физику. Я хорошо писала. В этом не было большой тайны: Дубровина читала мои абзацы вслух, и даже те, кто отворачивался к окну, знали, у кого попросить вступление.

— Это обычное домашнее сочинение? — спросила я.

Денис кивнул.

— По той теме, которую сегодня дали.

— Тогда не пересылай дальше. И не сдавай ещё куда-нибудь. Один текст, одна работа.

Он убрал телефон, дождавшись, пока мой коротко завибрирует.

— Понял.

Деньги пришли от Дениса Сергеевича. Отчество сделало его на секунду чужим взрослым человеком, а потом он поправил сползшую лямку и спросил:

— Ты сама напишешь?

— Сама. А что?

Он отвёл глаза к закрытой двери раздевалки.

— Я имею в виду, не из интернета?

— Сама.

Он хотел добавить что-то ещё, но между нами протиснулась семиклассница с двумя огромными пакетами. Когда она прошла, разговор уже закончился. Я намотала испачканный шарф поверх воротника и пошла на остановку.

На улице стоял такой февраль, когда снег ещё не таял, но уже выглядел старым. Под аркой у школы дворник сгребал коричневую крошку к забору. Из маршрутки, которая мне была не нужна, выходили люди; один мужчина осторожно спускал на асфальт детскую коляску. Я заметила его белые пальцы на алюминиевой ручке и открыла телефон, чтобы записать. Потом увидела сообщение от учебной студии.

«Напоминаем об оплате февральского блока. До пятого числа включительно».

Я знала сумму. Пять тысяч: три двести за основные занятия, ещё тысяча восемьсот за мастерскую, где читали наши тексты и разговаривали с каждым отдельно. Мама уже перевела две тысячи. Остальное я обещала внести сама.

Слово «включительно» оставляло мне три дня.

* * *

Мама пришла, когда я переписывала вступление. Ключ в замке повернулся не с первого раза: она попадала в скважину, дёргала ручку, снова пробовала. Я встала открыть и застала её на площадке с пакетом мандаринов.

— Они маленькие, — сказала мама вместо приветствия. — Но, говорят, сладкие.

Под глазами у неё оставались полоски от очков. В больнице она надевала их, когда разводила средства для уборки; дома снимала ещё на лестнице. Я взяла пакет, а мама прислонилась плечом к косяку и расстегнула сапог, не нагибаясь.

— Ты ела?

— Да. Тебе разогрею.

— Можешь пока не греть. Я руки.

Я всё равно поставила кастрюлю на маленький огонь. На столе лежали тетрадь, ноутбук и квитанция из «Точки», которую я забыла убрать. Мама увидела её, когда села.

— Уль, я в пятницу ещё пятьсот смогу.

— Не надо. Я внесу.

— Сколько у тебя уже?

— Почти всё.

Она потёрла большим пальцем внутреннюю сторону запястья. Там краснела кожа от края перчатки. Мне хотелось забрать у неё руку и намазать кремом, но я знала, что тогда она начнёт объяснять, почему сегодня опять задержалась. Поэтому просто подвинула тюбик от края стола к её тарелке.

— Много дают за проверку? — спросила мама.

— По-разному. Смотря сколько работы.

Первый раз я сказала ей: «Помогаю с сочинениями». Это было в ноябре. Она уточнила, проверяю ли ошибки, и я ответила: «И это тоже». Потом формулировка осталась. Мама уходила в семь, я возвращалась позже неё два раза в неделю; мы не садились подробно разбирать мою деятельность. Она радовалась, что у меня что-то получается, а я не мешала ей радоваться.

Мама сняла крышку с кастрюли.

— Пахнет хорошо.

— Ты сама варила.

— Вчера уже не чувствовала.

Она ела медленно, наклонившись над тарелкой. Я могла бы спросить, что случилось на работе, но уже открыла документ, и курсор мигал после слова «достоинство». У Дениса вряд ли получилось бы написать его дважды в одном абзаце. Я стёрла второе.

Тему прислали в школьный чат ещё утром: «Что меняется, когда человеку дают слово?» Можно было опереться на произведение, можно — на жизненное наблюдение. Дубровина просила не начинать с фразы «С древних времён». Я собиралась написать о том, как не умеющие красиво рассказывать люди исчезают из чужих рассказов. Получалось слишком похоже на то, что я сама хотела когда-нибудь сказать.

Для своей работы я выбрала литературный пример. Для чужой почему-то открыла папку с заметками о больнице.

В декабре мама рассказывала о женщине, которая отвечала на вопросы врачей раньше мужа. Он долго сидел молча. Потом попросил отодвинуть стул, чтобы сам достать до тумбочки, и сказал санитарке, что дома выращивает лимон. Мама запомнила не болезнь и не возраст, а этот лимон: невысокое дерево, три плода, один всё никак не желтел.

Я не стала писать про больницу. Перенесла человека на автобусную остановку, убрала жену, оставила дерево. История стала выдуманной, а чувство от неё осталось настоящим. В какой-то момент я перестала думать о Денисе.

— Ты завтра поздно? — спросила мама.

Я подняла глаза. Она уже вымыла тарелку и стояла у холодильника, приклеивая магнитом расписание смен.

— После школы в библиотеку. До шести.

— Хлеб захвати. Если успеешь.

— Успею.

Мама осторожно закрыла дверь своей комнаты. Даже дома она старалась не шуметь, будто за стеной кто-то спал после процедуры. Я очистила один мандарин, положила дольки на блюдце и снова прочитала работу с начала.

В конце было: «Выслушать человека — значит рискнуть узнать то, что не входило в твой рассказ о нём».

Я долго смотрела на эту строку. Она была слишком хороша для домашней работы Туманова. Можно было оставить её себе, заменить простым выводом, закончить заказ и лечь. Вместо этого я убрала «значит», оставив тире, проверила число слов и отправила файл.

Денис ответил через восемь минут.

«Прочитал. Спасибо».

Следом пришла вторая половина денег. Никаких уточнений, ни одного замечания. Обычно заказчики просили сделать попроще или спрашивали, точно ли будет пятёрка. Туманов молчал.

Я открыла квитанцию и вписала недостающую сумму. Теперь на февраль хватало. Мне следовало почувствовать облегчение, и я почувствовала: плечи опустились, стало легче сидеть. Но прежде чем закрыть ноутбук, я зачем-то вернулась к письму с вложением.

Имя автора в свойствах файла осталось моё.

Я отправила вторую версию, очищенную, и попросила пользоваться ею. Денис поставил короткую отметку, что понял. После этого всё было сделано правильно.

Глава 2. Денис

В понедельник Дубровина вернула тетради на десять минут позже, чем обычно. Я следил за стрелкой над доской. Пока оставалось меньше половины урока, она не должна была вызывать к доске: нужно было объяснить новую тему и задать параграф. Я рассчитывал получить отметку, убрать тетрадь и выйти вместе со всеми.

Мою она оставила у себя.

— Денис, задержитесь после звонка.

Я кивнул. Ладонь под столом стала влажной. На первой парте Лиза Лукина перелистывала свои страницы, придерживая левой рукой угол, чтобы соседка не увидела исправления. Борисова сидела через ряд и дописывала что-то в маленький блокнот. Она не посмотрела на меня.

Пока класс собирался, я успел придумать три ответа. Мог сказать, что работал с репетитором. Мог признаться в чужом вступлении и выдать за своё остальное. Мог попросить ещё одну попытку. Самый честный вариант пришёл последним, и к тому времени я уже выбрал первый.

— Садись, — сказала Дубровина, когда дверь закрылась.

Наедине она всегда переходила на «ты». Это не означало ничего хорошего или плохого, просто такое у неё было правило. Я сел за первую парту. Учительница положила передо мной раскрытую тетрадь.

Внизу стояла пятёрка.

— Почему ты раньше не писал так?

— Не знаю.

Ответ оказался единственным, к которому я не подготовился.

— Ты здесь не прячешься за общими словами. Вот это место про лимонное дерево. Ты действительно разговаривал с этим человеком?

Я смотрел на свой почерк. В воскресенье я переписал сочинение от руки, оставив между абзацами столько места, сколько обычно. Один раз ошибся и зачеркнул слово. На экране оно было Ульянино, а на бумаге уже выглядело моим.

— Это собранный пример, — сказал я. — Не совсем один человек.

Так было безопаснее, чем придумывать имя и номер автобуса. Дубровина кивнула.

— Для свободного рассуждения допустимо. Главное, не выдавать составную историю за документальную. Это разные вещи.

Я опустил глаза.

Она достала из папки листок с эмблемой Дома печати. Я видел такое объявление на стенде, но проходил мимо: там требовалось представить свой текст и объяснить, зачем тебе весенняя «Открытая редакция». Восемь бесплатных мест, занятия по субботам, работа с редактором. Мамина знакомая рассказывала о прошлом наборе. После этого мама дважды спрашивала, подам ли я заявку.

Я отвечал, что посмотрю.

— От школы мы можем направить несколько работ с комментариями преподавателя, — сказала Дубровина. — Решает потом их отборочная группа. Это не льгота в университет и не диплом. Но хорошая возможность попробовать себя. Ты думал?

— Думал.

— Если хочешь, приложим этот текст. Я напишу рекомендацию. И позанимаемся отдельно: посмотрим, как ты строишь устное рассуждение. На собеседовании бумага за тебя не ответит.

Она ждала. В коридоре загрохотало ведро уборщицы. Я мог бы встать и забрать пятёрку — уже незаслуженную, но хотя бы не уходящую дальше школы. Борисова отдельно просила никуда не пересылать работу. Я хорошо это помнил.

— Когда нужно подать? — спросил я.

— До конца месяца. Спешить не будем.

— Я бы попробовал.

Дубровина повернула лист ко мне. Внизу оставалось место для контактов. Я достал чёрную ручку и вписал адрес почты. Рука уже не дрожала.

* * *

Дома мама проверяла задания своих студентов. На обеденном столе лежали три стопки, и тарелку можно было поставить только между ноутбуком и настольной лампой. Я спросил, поела ли она. Мама подняла палец: подожди. Дочитала, поставила в документе комментарий и сняла очки.

— Что у вас?

У меня был заготовлен обычный ответ про школу, но я сказал:

— Дубровина предложила рекомендацию в «Открытую редакцию».

Мама выпрямилась.

— Сама?

Я кивнул.

Она отодвинула стопку работ, будто теперь для меня требовалось больше места.

— Видишь. А ты всё откладывал. Когда занятия?

— Ещё не взяли. Пока только подача.

— Но рекомендацию просто так не предлагают.

Мама говорила о Дубровиной с уважением. Они не работали вместе, но встречались на городских чтениях, и обе считали, что человек должен уметь объяснять собственные мысли. У мамы это звучало просто: если понимаешь — расскажешь. Я понимал многое, пока не замечал, что она ждёт от меня ответа.

— За сочинение, — сказал я.

— Можно посмотреть?

Я вынул тетрадь. Она читала быстро, останавливаясь только дважды. На том месте, где старик сначала спрашивал про автобус, а потом рассказывал о дереве, мама прижала пальцем середину страницы. Так она делала, когда хотела вернуться.

Мне захотелось, чтобы зазвонил её телефон. Чтобы пришёл студент с вопросом. Чтобы она прочитала невнимательно и сказала привычное «хорошо».

— Вот это у тебя получилось, — сказала мама. — Не форма, а взгляд. Илья в школе писал правильно, но сухо. А здесь живое.

За стеной работал телевизор соседей. Я услышал каждое слово чужой рекламы, пока мама перечитывала последний абзац.

С Ильёй меня не сравнивали специально. Просто брат успевал первым: поступил на бюджет, сам нашёл практику, приехал зимой с книгой для мамы, которую она давно искала. Если я получал четвёрку, мне объясняли, что мог бы лучше. Если пятёрку — что вот теперь видно. До этой минуты я не знал, что хотел хоть раз услышать: у тебя получилось иначе.

— Ты оставь мне фотографию, — попросила мама. — Я никому не буду отправлять. Для себя.

— Потом.

Она закрыла тетрадь, и я сразу забрал её со стола.

В комнате я открыл файл Борисовой. Там не было сложных слов. В некоторых местах я бы сказал по-другому, но смысл понимал. Я даже спорил с последней мыслью: иногда человек говорил, а ты всё равно слышал только то, что ожидал. Выслушать было недостаточно.

Я мог это объяснить. Но не мог объяснить, откуда взялся лимон и почему старик перестал ждать нужный автобус. Если Дубровина начнёт спрашивать, как рождался пример, мне придётся выдумывать уже не рассказ, а самого себя.

В телефоне сохранилась переписка с Ульяной. Я набрал: «Нужна помощь ещё с одной вещью».

Удалил.

«Можешь объяснить, что ты имела в виду?» — тоже не подошло. Получалось, я купил мысль, которую не способен понять.

Наконец написал: «Дубровина хочет поговорить со мной о сочинении. Можно встретиться? Я оплачу время».

Борисова была в сети, но ответила не сразу.

«Если спрашивает, сам расскажи. Там нет скрытого смысла».

Я положил телефон на колено. В коридоре мама говорила с братом. До меня долетело моё имя, потом слово «редакция». Она уже сообщала ему новость.

Я снова открыл переписку.

«Я читаю нормально. Когда нужно ответить человеку, всё получается не так».

Это было правдой. Я держался за неё, пока на экране появлялись точки.

«Завтра в библиотеке на Речной. В пять. Только я не буду писать тебе ответы на все вопросы».

Я согласился. Потом ещё раз прочитал своё сообщение и увидел, что нигде не написал о рекомендации. Сообщать это можно было завтра, при встрече. Так я решил, прежде чем убрать телефон.

Глава 3. Ульяна

В читальном зале на Речной оставался один свободный стол. Обычно я занимала его с краю, у розетки, а сумку ставила на соседний стул. Теперь пришлось убрать сумку под ноги. Денис пришёл ровно в пять и остановился напротив, не снимая рюкзака.

— Здесь можно разговаривать?

— Тихо можно. Если будем мешать, Инна Павловна скажет.

Библиотекарь подняла голову от картотеки. Я помахала ей; она посмотрела на Дениса и снова занялась карточками. В библиотеку я ходила с седьмого класса. Здесь никто не спрашивал, зачем мне сидеть до закрытия, если нужную книгу уже выдали домой.

Денис разложил тетрадь, две ручки и телефон экраном вниз. Из кармана рюкзака торчал край прозрачного файла.

— Сколько за час? — спросил он.

— Триста. Но сначала скажи, что именно хочет Дубровина.

— Чтобы я мог объяснить свою… — Он посмотрел на тетрадь. — Мысль.

Я заметила эту запинку, но решила не помогать.

— Тогда объясни мне.

Денис сдвинул стул ближе. Прочитал первые две строки, будто я их не знала. Я остановила его рукой.

— Без тетради.

— Я должен подготовиться.

— Ты уже прочитал.

Он закрыл её. На обложке было написано печатными буквами: «Литература. Туманов Денис». Я всегда писала фамилию быстро, не думая, красиво ли получилось. У него все буквы помещались на одной линии.

— Когда человек может высказаться, мы лучше понимаем его внутренний мир, — сказал Денис.

Я ждала. За перегородкой перевернули газету.

— И перестаём судить по первому впечатлению.

— Ты в это веришь?

Он посмотрел на меня так, будто я спросила не по программе.

— В сочинении так.

— А у тебя?

— Не всегда перестаём.

— Почему?

— Потому что иногда не слушаем, даже когда человек говорит. Уже всё решили.

— Вот. Это можно было сказать сразу.

Я потянулась за карандашом, чтобы записать его формулировку на полях, но остановилась. Если я превращу его ответ в аккуратную фразу, он снова будет учить мои слова.

— Приведи пример.

Денис потеребил угол тетради.

— У нас на физике Островский объяснял решение. Ему всё время говорили, что не тот способ. А потом оказалось, что просто другой.

Я помнила этот урок. Кирилл Островский тогда путался в обозначениях, Денис смотрел в окно. По крайней мере, мне так показалось.

— Ты понял его решение?

— Не сразу. После третьей строчки. Я потом спросил.

— У него?

— Да.

Это не подходило к Туманову, которого я успела для себя составить. Он не вступился за Островского при всех, но всё-таки подошёл. Я перечитала купленный текст, лежавший перед нами, и впервые подумала, что могла бы написать Денису совсем другое сочинение.

— Зачем ты тогда заказал? — спросила я.

— Мне трудно это складывать.

— Что?

— Вот то, что я сказал. В работу. Начинаю — и всё звучит не так.

— У всех сначала звучит не так.

Он опустил глаза. Я услышала себя со стороны: как учительница, которой легко, потому что она уже умеет. Мне не понравилось. Я взяла чистый лист, провела поперёк линию и положила перед ним.

— Напиши наверху, с чем не согласен. Одно предложение. Снизу — случай с Островским. Пока без вступления.

Денис писал медленно. За окном включились фонари, и в тёмном стекле я увидела наши отражения: я наклонилась к нему слишком близко. Отодвинулась и открыла свою книжку.

На курсах в субботу Светлана Андреевна вернула мой пробный очерк. На полях было три замечания, одно я уже знала наизусть: «Вы закончили за человека его мысль. Откуда уверенность?» Я заплатила за февраль полностью и ожидала, что после этого у меня появится право писать лучше. Вместо этого получила вопрос, на который не могла ответить.

— Готово, — сказал Денис.

Он написал пять строк, в двух местах зачеркнул. Я прочитала. Во втором предложении было «неправильная форма ещё не означает неправильную мысль». Формулировка оставалась тяжёлой, зато принадлежала ему.

— Это уже можно развить, — сказала я.

— Насколько плохо?

— Ты сейчас спрашиваешь отметку или мнение?

Он прижал пальцем зачёркнутое слово.

— Мнение.

— Слишком много «правильно». Но пример хороший. В конце ты пишешь, что все согласились с Кириллом. Все?

— Нет.

— Тогда не пиши «все».

Денис провёл ручкой по последней строчке. Я думала, он зачеркнёт одно слово, но он убрал целое предложение и написал новое.

Мы просидели не час, а почти полтора. Два раза Инна Павловна проходила мимо с книгами, один раз попросила нас чуть тише. Я успела забыть, что мы договаривались о деньгах. Денис не забыл.

У выхода он открыл приложение банка.

— Четыреста пятьдесят?

Мне стало неловко, будто он выложил на стойку цену разговора. Но я сама назначила её и сама смотрела на часы вначале.

— Триста. Мы долго разбирались, чего ты хочешь.

— Следующий раз в четверг?

Я заправила волосы под шапку.

— У меня курсы.

— В пятницу?

— Можно. Только напиши что-нибудь сам. Не к этому сочинению. Любой случай, который помнишь.

Он убрал телефон.

— Имена можно менять?

— Можно. Если скажешь, что поменял.

Мы вышли вместе. Возле библиотеки снег ещё не превратился в кашу: Инна Павловна посыпала ступени песком из синего ведра. Денис шёл с внешней стороны тротуара, держался на полшага позади. Я решила, что он просто хочет поскорее дойти до своей остановки, но на перекрёстке он спросил, куда мне.

— К рынку. За хлебом.

— Я до перехода с тобой.

Я могла ответить, что одна справлюсь. Обычно так и делала, когда помощь предлагали раньше, чем я о ней просила. Но он не сказал, что провожает, и не забрал мой рюкзак. Просто пошёл рядом.

На светофоре я увидела в витрине булочной наше общее отражение. Мы не выглядели людьми, которые занимались полтора часа. Не было видно ни тетради, ни перевода на триста рублей. Был высокий парень в тёмной куртке и я со светлым шарфом, который так и не успела постирать.

— Ульян, — сказал Денис.

Я повернулась. Он смотрел на красную фигурку пешехода.

— Что?

— Спасибо, что не стала сразу исправлять.

Зелёный загорелся, прежде чем я придумала ответ. На другой стороне Денис свернул к остановке, а я пошла за хлебом. Уже у кассы заметила, что держу в руке его листок.

Я написала ему: «Твой текст у меня. Верну в пятницу».

Он ответил: «Хорошо». И через минуту добавил: «Не выбрасывай пока».

Глава 4. Денис

В четверг у Дубровиной было двадцать пять минут. Она сразу предупредила меня об этом и поставила телефон рядом с журналом.

— В половине пятого начнётся совещание. Давай попробуем коротко. Почему тебе интересны тексты о людях?

Я сел на тот же стул, что в понедельник. На доске осталась недописанная дата, под ней — фамилия поэта. Дубровина стёрла только верхний угол; рукав её кардигана был в меловой пыли.

— Потому что за каждым человеком…

Я замолчал. Дальше должна была идти фраза про историю, которую необходимо услышать. Я видел её сразу целиком, уже готовую, как на баннере у книжного магазина. Ульяна спросила бы, верю ли я в это.

— Потому что я плохо угадываю, — сказал я.

Учительница подняла голову.

— Поясни.

— Мне кажется, знаю, что человек скажет. А он говорит другое. И это интересно.

— Например?

Я рассказал про физику. Дубровина выслушала, не исправляя, и это помогло продолжить. Потом спросила, что я читал кроме программы. Здесь я ответил без труда: две книги репортажей, которые мама принесла из колледжа, и сборник интервью с музыкантами. Названия она записала на маленьком листке.

— У тебя есть свои наблюдения? Не обязательно законченные.

— Звуки, — сказал я и сразу пожалел.

— Какие звуки?

Я вынул телефон. В папке лежали записи с набережной, из спортзала после тренировки, из старого перехода под железной дорогой. Я не включал чужие разговоры; обычно старался дождаться, пока люди пройдут. Мне нравилось, что даже пустые места звучали по-разному.

Я поставил запись из перехода на низкую громкость. Сначала там шуршали мои шаги, потом проезжал поезд. Под землёй его не было видно, только воздух менялся и дребезжала металлическая крышка возле стены.

Дубровина дослушала до конца.

— А что ты хочешь с этим делать?

— Пока не знаю.

Она не стала говорить, что заниматься надо чем-то полезным. Попросила прислать две записи и подумать о коротком тексте к одной из них.

— Только не описывай звук теми словами, которые он и так передаёт. Найди, что остаётся за ним.

Я записал задание. Это было первое её предложение, от которого мне хотелось прийти домой и начать. Время на телефоне показало шестнадцать двадцать семь.

— И ещё, — сказала Дубровина. — Для письма мне понадобится электронная версия сочинения. Пришли именно ту, что сдал. Я приложу её к рекомендации, чтобы редакция видела, на каком основании пишу.

Всё, что мы обсуждали до этого, отодвинулось. Я мог объяснить сейчас. Мы оставались вдвоём, до совещания были три минуты. Я уже рассказал ей хоть что-то своё; это давало небольшую опору.

— Сегодня пришлю, — сказал я.

Она собрала журнал и телефон. Перед дверью задержалась:

— Хороший разговор. Продолжим во вторник.

В коридоре я написал Борисовой: «Завтра в пять в силе?» Потом отправил Дубровиной очищенный файл.

* * *

Артём ждал у школьного крыльца, присев на перила. Он должен был отвезти младшего брата на тренировку и сердился, что тот опять забыл форму. Из незастёгнутой сумки торчал синий рукав.

— Пойдёшь со мной до спортивной? — спросил он.

Я собирался сразу домой, но кивнул. Дома мама могла спросить, как прошло занятие, а сейчас мне не хотелось отвечать даже правду о той части, которая получилась.

Артём говорил о брате, о тренере, который не выпускал на площадку без сменной обуви. Возле перехода замолчал и посмотрел на меня.

— Ты с Борисовой теперь занимаешься?

— Да.

— Дорого?

— Нормально.

Он поправил сумку на плече.

— Мне она больше не отвечает. Вернее, отвечает, что на этой неделе не возьмёт. Два сочинения повисли.

— Сам напиши.

Артём остановился. Я тоже остановился, хотя зелёный ещё горел.

— Ты сейчас серьёзно?

Я не нашёл ответа. Он перешёл дорогу, и я догнал его у аптеки.

— У неё курсы, — сказал я. — Времени нет.

— Так я и не требую. Просто спросил.

Артём не злился. Это было хуже: он видел обычную договорённость, в которой я сам участвовал, и не понимал, почему вдруг начал учить его. Я нес пустую папку для своей рекомендации, он — чужую спортивную форму. Ни один из нас не выглядел человеком, который сейчас делал что-то важное.

У спортивной школы я подождал, пока Артём передаст брату сумку. В вестибюле пахло мокрой резиной. За дверью зала мяч ударялся о пол, потом о щит, потом кто-то громко выдыхал. Я машинально достал телефон.

— Опять записываешь? — Артём кивнул на экран.

— Хотел.

— Подожди минуту. Они закончат упражнение. Потом будет пусто.

Я удивился, что он это помнил: однажды осенью я просил задержаться после тренировки, чтобы записать отскок мяча в пустом зале. Тогда Артём сказал, что долго ждать не сможет, но остался.

Мы сели на скамейку у стены. Он листал сообщения от матери, я держал телефон в руке. Внутри зала затихли шаги; тренер что-то объяснял. Ни одной чистой записи всё равно не получилось бы.

— Я тебе летом с монтажом помогу, — сказал Артём. — Если соберёшь своё. У меня программа есть.

— Я ещё не знаю, что собирать.

— Ну так узнаешь.

Он говорил без нажима. Для него незаконченная работа не означала, что человек не годился. Я запомнил это не сразу, а уже дома, когда открыл чистый документ.

Ульяна просила описать случай. Я начал со спортивной сумки, потом понял, что пишу про Артёма: как он злится на брата, но всё равно едет через полгорода, и как я ничего об этом не знал, потому что в школе мы обсуждали другие вещи.

На четвёртом абзаце я остановился. Получалось, будто Артём хороший, потому что я разрешил ему быть хорошим. Слишком ровно. Ни того, как он раздражённо отшвырнул ремешок, ни того, как я сам сказал ему писать сочинение, там не осталось.

Я вернулся к началу и вписал свою реплику. После неё текст стал неудобным. Его уже не хотелось показывать.

Мама постучала в дверь.

— Чай будешь?

— Позже.

— Как Вера Павловна?

— Нормально. Хорошо поговорили.

— Я рада, Денис.

Она не вошла. Мне дали работать, потому что теперь я занимался чем-то стоящим. Я посмотрел на отправленный Дубровиной файл, затем на свой недописанный текст и сохранил его под датой. Без названия, которое обещало бы больше, чем получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.